

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла «Семь слов о Русском мире»

в Фонде ИСЭПИ 9 ноября 2015 года

Л.В. Поляков. Мы собрались по поводу весьма и весьма значимого события. Представлена не просто книга – представлена возрождающаяся традиция, очень древняя в нашей культуре, – такой жанр, как слово. Все помнят замечательное «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, которое трактуется как один из самых значимых классических текстов древнерусской философии. На представляемую сегодня книгу тоже следует взглянуть сквозь призму тысячелетней традиции.

А.В. Щипков. Работать с текстами Святейшего Патриарха и ответственно, и интересно. На мой взгляд, всем нам, интеллектуалам, экспертам, предстоит большая работа – знакомство с текстами Патриарха. Любое публичное высказывание Патриарха – проповедь. Оно воспринимается как проповедь и проповедью является. Помимо проповеднической, миссионерской составляющей тексты Святейшего Патриарха насыщены актуальными проблемами, социальными, политическими.

Отличие этой книги от других книг Святейшего в том, что она выходит за рамки религиозной тематики и затрагивает широкий спектр социальных вопросов. То есть знакомит нас с Патриархом как с социальным мыслителем. Хочу попросить вас попробовать прочитать эту книгу именно с этой точки зрения.

Отделить церковь от общества не удастся никому. XX век это показал. Это невозможно сделать в стране, где 80% населения считает себя православными. Другой вопрос – степень воцерковленности, она может быть различной. Различны и трактовки самой воцерковленности. Что это такое? Это прежде всего степень погруженности в молитву. У каждого человека она разная. Но отделить церковь от общества невозможно по определению. И мы можем посмотреть на работу церкви и на книгу Святейшего, исходя из позиции, согласно которой церковь не может оставаться безучастной к тому, что происходит

в обществе и в стране. И об этом семь статей, семь публичных выступлений Патриарха. Владение словом у Патриарха таково, что его устное выступление сохраняет свою энергию и на бумаге. Это – редкое свойство. Мы часто с сожалением обнаруживаем, что наши устные выступления, положенные на бумагу, теряют энергию. У Святейшего такая энергия сохраняется, и вы можете убедиться в этом, читая книгу.

М.А. Маслин. Мы собрались здесь, чтобы обсудить новую книгу. При этом мы исходим из того, что обсуждаемая книга – проповедь. У слова «обсуждать» корень «суд». В строгом лингвистическом смысле мы вряд ли имеем право судить ее. В металингвистическом смысле как метафора и как жанр «Слово» имеет огромное значение и потенциальное влияние на современное состояние духовности. Это – восполнение, заполнение того пробела, существенного пробела, который имеет место в отечественной культуре. Это пробел живого богатого русского, наполненного не только стройностью, но и внешней красотой слова. Ведь Святейший – великолепный ритор. Как-то коллега по поводу одного докладчика сказал: «Как здорово говорит! Прямо каждое слово – в “Вопросы философии”». То есть хоть публикуй сразу. И Патриарх – говорит так, что каждое слово достойно опубликования.

Хочу продолжить мысль Александра Владимировича – внутренняя энергия «Слова» удивительным образом совпадает с архитектурой, казалось бы, забытого, но сейчас, в выступлениях Патриарха, возрождающегося жанра отечественной словесности и богословско-философской мысли. (На Руси философская и богословская мысль существовали нераздельно вплоть до XVII века, и только в XVIII веке произошло их разделение, произошла секуляризация, многое было утеряно.)

Полагаю, что пастырская и миссионерская деятельность нашего Патриарха наносит серьезный урон так называемому россиянству. Что я называю

ваю россиянством? «Дорогие россияне!» – не твердым голосом обращались к нам в 1990-х годах. Этот якобы объединяющий термин, который вызывал совсем не дорогие, а наоборот, раздражающие ассоциации у многих русских людей, к счастью, сходит на нет. Патриарх напрямую, без специфических оговорок, обращается к русским людям. Напрямую говорит о том, что российская культура в стержневом ее значении является культурой русской. Это господствующая культура, не в смысле ущемления иных культур, а в том смысле, что русские – государствообразующий народ, который, и Патриарх это подчеркивает, обладает высокой степенью единства. Очень важно, что Патриарх рассуждает в терминах по ту сторону правого и левого. (Я использую образ Семена Франка, у которого есть работа под названием «По ту сторону правого и левого».) Это не политическая агитация и пропаганда. Именно по ту сторону правого и левого решаются и должны решаться проблемы, которые поднимает Патриарх.

Важно, что предлагаемые решения исходят из целостного, интегрального подхода к отечественной истории. Не противопоставляя, не выделяя какой-то один период. Например, при всех указаниях на то, что судьба церкви в советский период была трагической, Патриарх тем не менее не зачеркивает этот период. И, положив руку на сердце, мы должны признать, что еще очень мало сделано по освоению тех богатств отечественной духовности, которые оказались стертыми из памяти последних поколений русских людей. Патриарх упоминает имена Достоевского, Ильина, Данилевского, Бердяева, Питирима Сорокина, Чаадаева, само явление русской религиозной философии XIX–XX веков. Он цитирует предсмертную статью Питирима Александровича Сорокина «Основные черты русской нации в XX столетии», которую я в свое время с любовью и с трепетом перевел на русский язык.

Обращение к таким именам, к наследию этих мыслителей укрепляет нас в сознании необходимости духовной борьбы с явлением, которое чрезвычайно расширилось, расплодилось, – с русофобией. И если от внешней русофобии русская культура так или иначе отбивается, то русофобия внутренняя – гораздо опаснее, она более замуфлирована, завуалирована.

В.В. Ванчугов. Когда я взял в руки эту книгу, сразу вспомнил «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона.

Эта книга – обращение к жанру поучительного слова, в котором задается четкая система координат, понятная каждому человеку. Каждый из нас иногда испытывает потребность в такой четкости. Часто именно этого нам не хватает. Не хватает сказать, что да, есть Русский мир, что русские являются нацией, задающей тон, что нечего стыдиться нашей истории. Такие простейшие указания необходимы. В этом – безусловная ценность книги, в которой без диалектических тонкостей, без схоластических ужимок объясняются смыслы нашего прошлого, объясняются сложности нашего настоящего и перспективы будущего.

Конечно, это – одна из систем координат. Философы задают свои системы координат, политологи – свои, богословы – свои. Общество нуждается во всем их многообразии, а каждый уже выбирает свое.

Эта книга полезна и для так называемого простого читателя. Но она дает и пищу для размышлений интеллектуала. Всякий тезис, который содержится в ней в простом виде, может быть развернут в некую сложную совокупность, имеющую мощный интеллектуальный заряд. И потому избранный Патриархом жанр весьма плодотворен.

А.Ю. Минаков. В связи с констатацией ясности, прозрачности текста книги вспоминается высказывание Шопенгауэра: «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Мне довелось – только сейчас это обнаружил – большую часть этих *слов* читать ранее. Но собранные вместе под одной обложкой они порождают кумулятивный эффект. В книге есть сюжеты, о которых хотел бы сказать особо. Во-первых, Русский мир – это то, что лежит на поверхности. Второй – русский вопрос и пути его разрешения. Начну с первого.

Патриарх говорит об особой, уникальной русской цивилизации, отличной от Запада и от Востока. Но не упоминает о том, что русский язык занимает по своему влиянию четвертое место после китайского, английского и испанского. Русский язык по своей распространенности стоит на четвертом месте – это

колоссальная культурная основа русской цивилизации.

Святейший говорит об уникальном феномене русской цивилизации, о русском мире. И здесь мне представляется важным подчеркнуть интеллектуальное мужество Патриарха, который после многих десятилетий молчания на столь высоком уровне поднимает то, что принято называть русским вопросом. Мне представляется, что ту формулировку, которую он дает в своем седьмисловии, можно считать классической.

Сущность русского вопроса – это отчуждение русского государствообразующего народа от власти и собственности. Иначе говоря, в самосознании большинства русских государство и собственность не являются теми факторами, на которые они способны повлиять, и это исключительно опасно, подчеркивает Патриарх. Он также говорит, что – и это важнейший тезис, который выходит за пределы церковной проповеди, – русский народ переживает глубочайший кризис в своей истории. Это не только гигантская разделенная нация, но и нация, самосознание которой – в результате исторических катаклизмов, трагедий XX века – разорвано, подорвано. В том числе и той внутренней русофобией, о которой говорил Михаил Александрович.

Следует обратить внимание на слова Патриарха о том, как относились к слову «русский» в 1990-х годах. Он пишет о негласных установках чиновникам и средствам массовой информации избегать этого слова, заменять его на «российский», на «дорогие россияне». Он говорит, что необходимо преодолеть опасный стереотип, согласно которому русские национальные организации, как политические, так и культурные, могут представлять опасность для какой-либо нации. Напротив, разорванное, подорванное русское национальное самосознание угрожает единству и самому существованию России. Это – суть русского вопроса, которая наконец озвучена на столь высоком уровне. Мне как историку представляется важным подчеркнуть, что Святейший великолепно владеет не только инструментарием русской религиозно-философской мысли, он еще тонкий знаток русской истории, русской исторической классики. Например, видно, что он

знаком с трудами Николая Ивановича Ульянова. В тексте несколько раз встречается выражение «исторический опыт России». В этой работе Ульянов в концентрированной форме дал то понимание русской истории, которое во многом совпадает с высказанными в книге воззрениями Патриарха. Николай Иванович Ульянов – один из глубоких историков зарубежной России. Его перу принадлежит классический труд, посвященный украинскому вопросу, точнее – проблеме украинского сепаратизма. И мне представляется, что некоторые страницы седьмисловия несут отпечаток знакомства и с этой работой Ульянова.

Уже упоминавшаяся дихотомия русскости и россияинства – весьма болезненная проблема. Есть русская национальная идентичность, русское национальное самосознание. Но есть и идентичность российская. Их соотношение – тонкий вопрос. Российская идентичность не может строиться иначе, как на идентичности русской: на владении русским языком и на едином понимании истории (поскольку трактовка истории может и разделять людей). Это и принадлежность к русской культурной традиции, классической традиции. Всякий иной вариант ведет к искажению идентичности, как русской, так и российской.

Тот синтез в понимании русской истории, который предлагает Патриарх, мне представляется рабочим. Наши нынешние учебники истории вряд ли являются серьезным подспорьем для формирования национального самосознания. Они хаотичны, написаны зачастую с самых разных идеологических позиций. Имея дело и со школьниками, и со студентами, я с прискорбием констатирую, что исторический опыт России подавляющему большинству наших молодых людей недоступен из-за исключительно низкого качества учебников, учебной литературы, из-за деформированных программ, из-за характера и методики преподавания и, в особенности, из-за искажающей образовательный процесс практики единого государственного экзамена. ЕГЭ является инструментом разрушения интеллекта. ЕГЭ – не просто методика контроля знаний. Это – системообразующий фактор, определяющий сегодня весь процесс обучения. Школьники, которые через всё это прошли, де-

монстрируют поразительное незнание русского языка, русской культуры, русской истории. То есть они лишены той базы, на которой только и может формироваться самосознание, русское и российское. ЕГЭ ориентирует и учителя, и ученика на сверхпрагматическое «изучение материала», нацеленное исключительно на успешное заполнение искомых бланков. Кроме того, переход на ЕГЭ привел к фактическому отказу от изучения целого ряда предметов, не являющихся теперь обязательными. Мы стоим на пороге нового варварства. Пора осознать, что каждый год во взрослую жизнь выходят сотни тысяч невежественных людей. Мы имеем уже целое поколение в принципе необучаемых граждан.

Тот вариант, который предлагает Патриарх, нацелен на стержень гуманитарного знания. Он говорит об истории, понимаемой в ее единстве: Древняя Русь, Российская империя, советский период, новейший период. Он выделяет ключевые понятия. Конечно, такое понимание тоже несет в себе некую идеологическую нагрузку. Но идеологическая нагрузка характерна для любого учебника.

Что хотелось бы сказать особо. В семиологии Патриарха одна из ключевых проблем – проблема социальной справедливости. То, что нехарактерно вообще для русской религиозной, православной мысли. Эта проблема традиционно отдавалась на откуп левым. То понимание справедливости, которое формулирует Святейший Патриарх, может объединить наше общество: иерархия в обществе сохраняется, но при этом в нем нет ни нищих, ни миллиардеров.

Л.В. Поляков. Ваш ответ на антиномию русского и российского, сформулированную Михаилом Александровичем, в соответствии с которым российская идентичность будет строиться на русской, открывает перспективу для их примирения. И буква, и дух патриарших посланий совпадают в том, что автор ищет синтез. Заостряя или даже обостряя реально существующие противоречия. Не случайно в одном из первых *слов* он прямо говорит, что мы никуда не можем уйти от естественных разделений в нашем обществе – между атеистами и верующими, между богатыми и бедными, между поколениями, отцами и детьми.

А.Ю. Минаков. Патриарх исходит из традиционного для русской мысли, для русской историографии проекта большого народа. Этот проект имплицитно присутствует уже в «Повести временных лет». Он проходит через все русское летописание, через труды классиков русской историографии – Тагищева, Щербатова, Болтина, Карамзина, Соловьева, Ключевского. Это концепция единого русского народа, внутри которого есть племенные отличия, сформировавшиеся в течение веков в результате татаро-монгольского ига и пребывания значительной части прежней Киевской Руси в составе литовско-польского государства. Но никогда русская мысль, по крайней мере ее мейнстрим, не возводила в абсолют эти племенные этнографические отличия. Это делали только представители социалистических и леволиберальных течений по вполне понятной причине. К сожалению, такого рода понимание господствует и по сей день, внося сумятицу и интеллектуальный раскол в понимание того, что такое русское, что такое русская цивилизация.

Л.В. Поляков. Вы указали направления, откуда пошла эта идея. Я же напомним, где она была сформулирована: Ульянов-Ленин «О национальной гордости великороссов». Там впервые четко сказано, что именно таково должно быть понимание того, как соотносятся русское и российское и как нужно трактовать идентичность тех, кто называет себя русскими, – это великороссы. Во всех *словах* Патриарха имеет место альтернативная концепция.

Не могу не отметить совпадения позиций Патриарха и Президента. В своей статье периода избирательной кампании 2012 года «Россия: национальный вопрос» Президент настаивает на том, что Россия – уникальная цивилизация, с особым культурным кодом, а русский народ – государствообразующий. Здесь весьма наглядна интеллектуальная симфония светской и церковной властей.

К.В. Симонов. Наш мир непрост и в чем-то странен. Отдадим должное гражданской смелости Патриарха высказывать общественно значимые, политические соображения. Такого рода попытки неизбежно столкнутся с критикой и в России, и за рубежом, уже сталкиваются.

Но очевидно, что современное состояние политических отношений таково, что вряд ли возможно отказать Русской Православной церкви в праве на такого рода высказывания.

В современном мире то, что еще недавно воспринималось как абсолютно разумное, логичное суждение, ныне считается опасным, несовременным. И в таком мире, где дважды два уже пять, кто-то должен сказать: «Слушайте, может быть, дважды два все-таки четыре, как это было раньше?».

Помню, как эти выступления обсуждались нашей либеральной общественностью. Мне кажется, даже они проглядели кое-какие моменты. Например: «Феномен русской монолитности объясняется тем, что в нашем самознании исключительное место занимает связь личности с государством, традиционная для русских лояльность к своему государству». Кроме того, профессор Маслин уже говорил о патриаршей трактовке темы русского народа. Раньше, в период россиянства, такие тезисы были немислимы – о русском мире, об особом укладе. Здесь я, наверное, в большей степени опирался на хронологически последнее его слово – в Калининграде. Он говорит не о том, что наш Русский мир должен громить всех подряд и выступать как агрессивная альтернатива Западу. Наоборот, там есть тезис, согласно которому современный Запад сталкивается с такими вызовами, с которыми он в одиночестве не справится. И фактически является тезис, что Русский мир не собирается агрессивно противопоставлять себя Западу, а намерен Западу помогать в решении тех актуальных моральных, политических и прочих проблем, с которыми тот столкнулся. Он приводит конкретные примеры синтеза нашей цивилизации и западной – сибирское барокко или Петербург как западный православный город.

Очень важно, что мы предлагаем именно такую миссию. Нам нельзя замыкаться в себе, ибо тем самым мы только облегчим реализацию антироссийских практик. Сегодня если западный интеллигент идет против мейнстрима, например, в дискуссиях о меньшинствах, о гендерном и прочем неравенстве, но при этом критикует Россию, то ему прощается если не все, то

многое. Получается, что русофобия является работающим щитом, а мы имеем дело с репрессивным в отношении нас дискурсом.

Возьмем историю с Pussy Riot и акции в их поддержку на Западе, где попытка объяснить эту историю вызовом нашим религиозным ценностям, встретила жесткое отрицание. Но те же самые люди на Западе, наоборот, настаивают на том, что интеграция там ислама необходима и имеет право на свои ценности, которые нужно оберегать, защищать.

На этом фоне Патриарх говорит о политической интеграции консерваторов. Не случайно это слово было произнесено в Калининграде. Кстати, именно там и фонд ИСЭПИ проводил Бердяевские чтения. Это – явление внятной, логичной, необходимой позиции. Иначе мы сталкиваемся с ситуацией, когда и у нас, и на Западе большинство в политическом плане становится меньшинством. И его позицию нужно, как минимум, заявлять.

Опыт России, опыт нашей солидарности значим и в контексте того, что на Западе позиция некоторых меньшинств предельно радикальна: если вы считаете, что надо защищать все меньшинства и их политическую субъектность, то можете столкнуться с тем, что после обретения таких прав они начнут против вас войну на уничтожение.

Л.В. Поляков. Очень важно, что *слово*, сказанное в Калининграде, обращено именно к Западу. Мы видим здесь удивительную духовную, интеллектуальную симфонию светской и церковной власти у нас. Это одна из любимых тем президента, и он говорит, что миссия России сегодня – это помощь Западу, который был нашим двоюродным братом по вере, а сегодня пилит сук, на котором сидит, уничтожая основы своей христианской цивилизации.

В Калининграде особенно уместно заявление такой позиции. С одной стороны, вокруг русские, с другой – германский не просто профиль, а фас. И раздвоение внутри самих калининградцев. Часть из них себя позиционирует скорее как Запад внутри России, часть задается вопросом: «Мы – русские. А что это значит?». Там немецкая земля, немецкие традиции, великолепная библиотека. Там гер-

манский дух в самом лучшем смысле. Что мы можем поставить рядом со всем этим?

В этом смысле идея Патриарха о миссии Калининграда и аналогичная позиция Президента – всё это весьма благодатная тема.

М.В. Ремизов. Патриарх Кирилл после избрания предстоятелем стал флагманом русской идентичности в публичном пространстве.

Это важно, потому что право на идентичность для народа равнозначно праву на жизнь. В нашем случае реализация этого права сталкивается с определенными угрозами и вызовами. С какими? Что угрожает праву на идентичность русских, достаточно большого народа, чей язык является государственным?

Я провел бы аналогию с положением русского языка на Украине. Что говорят патриоты Украины? «Что вы со своим языковым вопросом постоянно выступаете? У нас никто не мешает говорить по-русски. Посмотрите, все говорят по-русски. И Порошенко говорит по-русски, и Коломойский с Ярошем говорят по-русски. Никаких проблем для русского языка на Украине нет». Казалось бы, действительно, язык как бы прорастает снизу. Но нарушена полноценная социальная циркуляция русского языка в русскоязычном обществе, которая подразумевает воспроизводство языка через систему образования. Дети умеют говорить, но не умеют писать, из-за того что языковые стандарты не поддерживаются через унифицированную систему обучения. И русский язык постепенно превращается в суржик. То же происходит на уровне государственных и социальных ритуалов – язык исключен из циркуляции, что напрямую влияет на идентичность.

Положение русской идентичности в Российской Федерации (так было и в Советском Союзе) похоже на положение русского языка на Украине. Она прорастает снизу на уровне корней, потому что имеется сильная энергетика, но при этом она исключена из системы социального воспроизводства и социальной циркуляции. Какова эта система социального воспроизводства национальной идентичности?

На одном уровне – это семья, родственные, соседские сообщества. Будем откровенны, этот уровень воспроизводства идентичности более силен

у народов, которые стадийно ближе к родоплеменному укладу. К сожалению, лишь в немногих семьях русская идентичность сознательно культивируется как наследие. И мы должны стремиться к тому, чтобы таких семей становилось больше, ибо они являются основой нации.

Теперь уровень государства. В нескольких речах Святейшего говорится, что долгое время, да и по сей день, имеет место табуирование русской идентичности – в социальных ритуалах, в пространстве публичной риторики. Вот социальная реклама, демонстрируемая в связи с праздником 4 ноября: «Я чеченец – я россиянин. Я туwineц – я россиянин. Я москвичка – я россиянка». То есть там, где логично было бы ввести в контекст общероссийской идентичности идентичность русскую, она подменяется региональной.

И это будет иметь последствия именно в виде регионализации самосознания. Потому что если возможность зафиксировать русскую идентичность остается нереализованной, если русская идентичность не станет частью публичных ритуалов в общественных средах, то с высокой вероятностью люди попытаются специфицировать себя через региональную идентичность.

Впрочем, не думаю, что публичная риторика приоритетна. Более важно, как это проявляется на уровне гражданского общества, в широком смысле этого слова. Здесь ситуация тоже неблагоприятна. Вот Патриарх говорит, что надо как можно скорее нормализовать в общественном пространстве само понятие и сам статус русской национальной организации. Сейчас возникает парадоксальная ситуация, когда в тех многочисленных формах диалога межнационального и межконфессионального, который под эгидой государства – или регионов, или федерального центра – инициируется, существует эффект недопредставленности русских. В том числе потому, что русские национальные культурные автономии невозможны. В том числе потому, что Всемирный русский народный собор, хотя и может выступать в качестве аналога чеченского конгресса, черкесского конгресса и так далее, пока эту роль не выполняет, и это, возможно, резерв на будущее.

Итак, именно в семье, в государстве и в гражданском обществе следует практиковать русскую идентичность, реконструировать ее в поколениях, позиционировать в вертикальных и горизонтальных сетях. Но сегодня возможность для этого ограничена.

Не хотел бы ставить точку на диагностике проблемы. Поэтому еще два слова о том, что мы как экспертное сообщество, интеллектуальное сообщество можем сделать, чтобы изменить такую ситуацию.

Разумеется, в том, что касается социальных пространств циркуляции идентичности, нужны политико-правовые усилия по нормализации статуса русской национальной организации. В какой форме это может быть сделано? В форме национальных культурных автономий? Да, наверное, это неудачно – говорить о национальных культурных автономиях для русских в России, потому что русская культура является титульной. Значит, необходимо продумать иные формы национального представительства, национальных культурных организаций в политическом и гражданском поле. Учитывая, кроме того, и тот факт, что энергетика русского мира, волонтерская, добровольческая, может уйти в песок или в криминал после завершения эпопеи в Донбассе. Эту энергию нужно направить в созидательное русло. Таким созидательным руслом может быть строительство русских национальных организаций, по удачному выражению Патриарха, как гражданского скелета российской государственности.

И второе измерение – собственно культурный контент русской идентичности. Она имеет недостаточно яркое ассоциативное и смысловое наполнение для нашего современника, и здесь есть над чем работать. Мы писали об этом в докладе для ИСЭПИ по патриотическому воспитанию, что в советское время русская идентичность была искусственно биологизирована, привязана к происхождению, тогда как изначально это понятие было более широким – в конце XIX века происходила трансформация от конфессионального к лингвистическому, культурно-лингвистическому понятию русскости. Кроме того, она была искусственно как бы

одеревенена, хотя естественным эталоном русской идентичности является прежде всего высокая культура. Наконец, и это касается уже не только советских времен, но и времен более ранних, она была наполнена вирусами самоненависти, внутренней русофобии, саморедства, которое характерно для русских. Эти вирусы нужно извлекать из нашей идентичности, давать какие-то вакцины самосознанию. Потому что внутренняя русофобия приводит к неверию в собственные силы, к социальной депрессии и отсутствию жизненной перспективы у большого народа.

Убежден что культурный контент русской идентичности может корректироваться, проектироваться. Этому есть немало примеров в истории. Нужна сознательная культурно-просветительская и творческая работа. И это – второе измерение работы экспертного интеллектуального сообщества, которое необходимо ввести.

Л.В. Поляков. В одном из *слов* Патриарх говорит о, казалось бы, недопустимой вещи, а именно – о национальном суверенитете в области гуманитарных наук, тем самым воскрешая старинную дискуссию XIX века «О природе науки». Спор Константина Сергеевича Аксакова со своими западническими оппонентами, например с Грановским, по поводу того – «а может ли быть наука национальной вообще, или это нонсенс, и есть некая единая универсальная наука?».

Мне кажется, что этот спор здесь и был воспроизведен. Ведь концепция цивилизационной идентичности противостоит концепту российской гражданской нации, заимствованному из практики Соединенных Штатов... В 1990-х годах многие считали, что свет – именно оттуда, что всё правильное должно прийти из Америки. Это – две разные парадигмы.

В науке есть почтенная школа, начинающаяся с цитируемого в нескольких *словах* Николая Яковлевича Данилевского и продолженная Тойнби, Шпенглером и Львом Николаевичем Гумилевым. Эта школа настаивает на том, что в истории присутствуют некие феномены – «культурно-исторические типы», говоря языком Данилевского, или «цивилизация», говоря шире. Эта школа задает совершенно особые

условия определения того, что может быть нацией внутри такого типа. И это действительно не нация эмигрантов, которая сегодня имеет то, что имеет, – непрекращающиеся расовые конфликты. А это особое сочетание многих народов, такое сочетание, при котором и территориально, и духовно, и даже этнически русская, условно говоря, этническая масса просачивается во все регионы, создавая единство во всех аспектах. Сказать, что это не особый тип идентичности, – просто научно неправильно. И когда мы начинаем разворачивать смысл, заложенный в концепции цивилизации, то вполне возможен строгий научный дискурс. И мы возвращаемся к сюжету,

который в свое время обсуждали Томас Кун и Пол Фейерабенд. Мне кажется, Патриарх совершенно правильно возвращает старый вопрос: как мы рефлекслируем самих себя, с помощью чьей оптики, с помощью каких инструментов познания?

Итак, Патриарх задал тон дискуссии – как переводить правильные слова, своевременные мысли в конкретные государственные решения. Уверен, мы наполним позитивом то, что вчера определялось лишь методом вычитания, многочисленными «не». Мы в состоянии способствовать преодолению этого апофатизма и переходу к говорению о русском как о положительно определенном.